

Серафим проснулся из-за того, что с крыши упал подтаявший на солнце снег.

С трудом оторвав голову от подушки и приподнявшись на кровати, мальчик всё же не рискнул спускать ноги на холодный зимнему пол. Наполовину завернувшись в одеяло, он потянулся к широкому креслу у изголовья, на котором лежало несколько книг и аккуратно сложенная одежда, быстро натянул на себя шерстяной свитер и чихнул.

В комнате Серафима было светло. Слепительное зимнее солнце переливалось в крупных сосульках, которые свешивались с козырька крыши до середины широких окон, и весело играло бликами на белых стенах между картин современного художника (его работы отец Серафима очень уважал). Недалеко от подоконника одного из окон, на яблоне, висела кормушка, вокруг которой велась постоянная красно-коричневая битва между снегирями, воробьями и прочими голодными пернатыми за местечко потеплее и посытнее.

Ярко-рыжий кот, с белым галстуком на шее, выполз из-под забора, с мышью во рту, и своим появлением спугнул взлохмаченных птиц около кормушки. Воровато оглядевшись вокруг, он опустил серый комочек шерсти на снег, чуть-чуть тронул его лапой и затаился, ожидая, когда же он побежит. На соседнем участке, за забором, лает собака, видимо, чуя дразнящую кошачью породу. Но казалось, что тринадцатилетний мальчик с копной непокорных рыжих волос совсем не замечал всей этой обыденной живой красоты, которая сквозь оконные стёкла проникала в комнату.

Серафим отодвинул стул и сел за небольшой письменный стол у окна.

За стеной опять заплакала младшая сестра. Машу всё утро по очереди пытались успокоить приехавшие родственники.

Мальчик взял ручку, вырвал из тетради листок и что-то написал на нём.

В комнату зашла сестра и попросила Серафима собираться и выходить завтракать.

– Ну чего ты?

– Ничего.

Сестра немного постояла за спиной брата, разглядывая с сочувствием его подростковые, худые напряжённые плечи, и, тяжело вздохнув, вышла из комнаты.

Серафим поднял голову, задумчиво посмотрел на кота, затем на солнце, несколько раз моргнул, и вдруг, решительно зачеркнув написанное, порвал бумагу и вырвал из тетради новый листок.

Уже неделю день ото дня крепчали морозы. Белоснежный, искрящийся на солнце снег протяжно скрипел под ногами нескольких, молча идущих людей и почему-то пах свежим арбузом. Серафим двигался позади всех, держа за руку младшую сестру. Другую руку он засунул в карман. Там, заложенное в перчатку, хранилось письмо. В перчатку он его спрятал для верности – так уж точно не потеряется.

В гулкой светлой церкви по углам толпилось много народу. Серафим видел и отмечал много знакомых людей. Некоторые из них подходили к отцу с серьёзными скорбными лицами, жали руку, говорили что-то на ухо и отходили. Отец кивал головой, но по большей части просто молчал, порой покашливая в свою посеребrivшуюся чёрную бороду. Серафим выпустил руку сестры, прошёл в центр храма, к отцу, и, внимательно посмотрев, осторожно дотронулся до него.

Вчера – пятничным вечером, уставший Серафим возвращался домой из города, куда он вместе с классом ездил в театр. Мальчик был весел и разгорячён. Но чем ближе электричка приближалась к родным местам, тем тише становился Серафим, и холоднее начинали блестеть его глаза.

Ребята, вместе с классной руководительницей, вышли на четыре остановки раньше – дом Серафима был намного дальше, чем у его одноклассников. Он остался в полупустом вагоне с двумя грузными постоянно шепчущимися и посмеивающимися тёточками на соседних сиденьях, несколькими сурового вида мужчинами с обязательными деловыми чемоданчиками и группой несдержанно гогочущих студентов.

Серафим отвернулся от них и недовольно посмотрел в окно на своё отражение. Все мысли вновь нахлынули бесконечным потоком. Он опять начал анализировать прошедшие несколько дней, неожиданную аварию, в которую недавно попала его мама, приезд старших сестёр, большое количество еды, внезапно появившееся на веранде. Странно, что за праздник без причины?

Несмотря на сильный мороз на перроне его встречал отец. Вся фигура бывшего военного поражала: высокая и кряжистая, с широкими плечами и спиной, она казалась цельным высеченным монолитом. Выразительному лицу придавали какую-то особую строгость густые чёрные брови и борода. А седеющие волосы, когда-то бывшие такими же чёрными, в фонарном свете виделись почти белыми.

Он внимательно оглядел сына, кашлянул в бороду, взял портфель и пошёл с Серафимом к машине.

– Ну как съездили?

– Хорошо съездили – весело было.

– А что за постановка была?

– Я же тебе говорил уже, пап! – Возмутился сын от того, что отец не помнил его слова.

– Да? – снова кашлянул он в бороду и добавил, – Гм, точно-точно, припоминаю, ты мне это уже говорил.

Серафим замолчал возмущённый и немного обиженный тем, что с недавних пор отец совсем перестал интересоваться его личной жизнью, перестал слушать то, чем он делится с ним.

Но заметил вдруг, что тот опять начал прихрамывать на левую ногу и покашливать в бороду чаще обычного, и так до боли в груди стало жалко Серафиму этого родного ему, стареющего строгого, делового мужчину, которым так гордился перед сверстниками, что забыл обиду и, снизу вверх взглянув в глаза, сам пошёл на контакт:

– Ну, пап, ну чего ты молчишь! Как дела? Мы завтра поедим к маме?

Отец с сыном уже почти совсем подошли к машине, как вдруг Серафим удивлённо заметил, что за рулём сидит дядя Лёша – муж одной из его старших сестёр, и сразу же по-мальчишески забыл, что только что задавал вопрос, повернулся, чтобы задать новый, но вдруг увидел, как отец остановился.

– Папа, почему ты остановился? Что случилось, пап? – спрашивал он, дёргая его за руку.

Отец взглянул как-то необычно на сына, и только сейчас Серафим увидел, что из глаз отца текут слёзы. Одна из них упала на бороду и застыла на ней небольшим кристалликом.

– Папа, не плачь, пожалуйста, мама ещё слаба, но обязательно выздоровеет, помнишь, ты мне это вчера говорил? Она же выздоровеет? Серафим крепко обнял отца и сильно-сильно зажмурил глаза, зажмурил от того, что не верил в сказанное им же самим секунду назад. Не верил, просто даже потому, что никогда не видел раньше плачущим своего папу.

Отец легонько отстранил сына, наклонился, а Серафим вдруг с неожиданными подробностями увидел, что папа был одет во всё чёрное: чёрное пальто, чёрный шарф, чёрный костюм, чёрная рубашка, галстук тоже чёрный, правда, с небольшими красными вкрапинками. Медленно и как-то неуклюже отец снял свои большие очки в роговой оправе, вытер тыльной стороной руки глаза, посмотрел на сына и так же медленно, но чётко сказал:

– Серафим, ты же уже большой мальчик. Будь мужчиной. Мамы больше с нами нет.

В машине Серафим прижался к папе, спрятался лицом в его пиджак и старался не дышать, не слышать и не видеть. Любимый и знакомый запах окружал его со всех сторон, создавая иллюзию защищённости. Он желал раствориться в нём и ни о чём не думать, но в голове, как ураган, вертелись назойливые мысли. То, что мамы нет, было непонятно и неправдоподобно. Он вдруг вспомнил, как иногда обиженная им мама серьёзно глядела на него и говорила: «Вот не станет меня, будешь ко мне на могилку приходить, хоть цветочки приноси». Серафим сразу стыдился того, что он делал, топал ногами и кричал: «Мама, ну что ты такое говоришь! Тебе не стыдно?» А она улыбалась и спрашивала в ответ: «А тебе, Серафим, не стыдно?». И Серафим вдруг явственно представлял себе, как понесёт маме цветы на кладбище и ему становилось так страшно, что он сразу понимал, как неправ, обижая маму, и бежал к ней, обнимал хрупкое тело, и просил прощения.

Его било мелкой дрожью... хотелось плакать, но слёз не было.

Под конец пути отец тихо сказал сыну: «Зайди в церковь, попрощайся с мамой, завтра похороны – будет много людей, возможности побыть с ней наедине, может, больше не представится».

Дорогу до храма Серафим не помнил. Помнил только, как толкнул тяжёлую кованую дверь и провалился в гудящую, вибрирующую от молитв темноту...

Серафим никогда ещё не бывал в церкви ночью. Точнее, один ночью на улице он бывал, а вот чтобы в церкви, да ещё ночью и почти один, такого ещё не было. Он растерянно вступил за порог, забыв снять шапку и перекреститься. Полумрак от горящих свечей, притушенная люстра и монотонный тембр монаха, читающего молитвы, напугали его. Хотя скорее даже не это напугало Серафима, а стоявший посередине церкви гроб, казавшийся здесь совсем не к месту.

Медленно, с опущенными вдоль тела руками, Серафим пошёл к гробу. Закреплённый на двух высоких тонких подставках, он как будто висел в воздухе. Каждый шаг отдавался под сводом церкви, не сочетаясь с ритмом произносимых монахом слов. В каждом шаге Серафим был неуверен. Ему казалось, что если сейчас выбежать на улицу и подумать о том, что это всего лишь страшный сон, то он проснётся. Но какое-то безмолвное оцепенение сковало его тело. Ноги, налившись свинцом, двигались самостоятельно, ведя его к запредельному ужасу, в который каждый не хочет верить до самого конца.

Молитва, сливаясь с темнотой, неровным светом и густым запахом горящих трескучих свечей, создавала гудящий водоворот, который затягивал Серафима в самую глубину, в центр – к гробу.

Время остановилось.

Мама была очень спокойная. Серафим никогда не видел её такой. Она всегда что-нибудь делала, всегда была чем-то занята. Поэтому, когда он взглянул на неё первый раз, то сразу же отвёл взгляд, и внутри него одновременно пронеслись две мысли: «Это действительно она!» и «Как она не похожа на себя!».

Эти мысли удивили Серафима. Он стоял рядом с гробом и широко раскрытыми глазами смотрел немного вбок на одну из икон.

Так он стоял долго, собираясь с силами посмотреть ещё раз.

Мама лежала с закрытыми глазами – такого странного выражения лица он тоже не помнил: расслабленные брови, гладкий без морщин лоб и бледные тонкие губы без такой привычной помады. В этот раз Серафим смотрел немного дольше. С хладнокровностью, которую он с ужасом заметил в себе, его глаза запоминали каждую деталь маминого лица.

Кто-то вдруг аккуратно стянул с него шапку. Серафим вздрогнул и обернулся. Сзади стоял священник и смотрел на него долгим, грустным, но добрым взглядом.

– Как же так, отец Сергей? – почти прошептал Серафим, как на исповеди. – Такого же просто не может быть! Отец Сергей,

скажите, Бог что, разве не видел, что я... что мы... без мамы не можем жить?

– Тише, тише... конечно, видел, но – Он же мудрее нас всех. Господь видит и предвидит всё, значит, не случайно он забрал её к себе. Значит, так правильно, и Он ещё докажет это. Помни, Серафим – всё, что не свершается – всё к лучшему... как это порой не больно принимать.

Отец Сергей протянул Серафиму шапку и добавил:

– Поцелуй маму, не бойся, она ждала тебя дольше всех.

Монах перестал читать, на его место встал другой монах. Его осветила небольшая лампа – это был старинный папин товарищ, по всей видимости, приехавший из монастыря сегодня днём.

Знакомое лицо, голос, и вот слова звучат как-то теплее, легче, может, ещё и из-за того, что в промежутках между не очень понятным текстом, он несколько раз услышал повторяющееся имя мамы: «Человеколюбец Бог, прости Надежду и помилуй, вечные муки избави, небесному Царствию причастнику учени...».

Серафим вновь осторожно посмотрел на маму. Мама улыбалась.

Холодный мороз по коже продрал Серафима с ног до головы. Это было так неожиданно, что он резко отпрянул от гроба и чуть не задохнулся от потери дыхания.

Но стоило ему чуть отдалиться от мамы, как игра теней вновь сыграла с ним злую шутку: мама перестала улыбаться. Серафим в свою очередь улыбнулся и посмеялся про себя над своим испугом. Он наклонился и, аккуратно положив руки на край гроба, поцеловал маму в лоб.

Именно в тот момент, когда губы Серафима коснулись холодного маминого лба, из его глаз хлынули слёзы. Просто он окончательно осознал, что больше никогда не услышит маминого голоса и никогда не ощутит под своими губами тепло её кожи.

Серафим приподнялся и смотрел-смотрел на маму. Перед глазами всё предательски расплывалось от слёз, как ни старался он сдержаться. Казалось, что он смотрит на неё сквозь толщу воды, а она где-то там, в небе, рядом с ярким светом. Серафим осторожно дотронулся до маминой руки и погладил её. Ощущение было странно знакомым, как будто трогаешь холодную куриную ножку, но вот только этой холодной была не ножка, а мамина рука, всегда такая тёплая и нежная. Серафим снова наклонился к маминой груди и, уже не сдерживая слёз, вздра-

гивая, зашептал: «Мама, прости! Мама, вернись, пожалуйста! Пожалуйста, вернись...».

Сквозь тишину всё текла и текла молитва монаха. Может, именно она и успокоила его. Он вытер слёзы, совсем по-домашнему поцеловал маму в щёку, повернулся и быстро направился к выходу из церкви, впервые ставшей такой неудобной.

На пороге стоял священник.

– Отец Сергей, какие молитвы нужно читать? – неожиданно размеренно и спокойно, произнёс Серафим, взглянув на него.

– Перед сном произноси «Господи, упокой душу новопреставленной мамы моей и даруй ей Царство Небесное» и этого достаточно будет, ты ведь её сын, твоя молитва слышнее всего и понятнее будет. – Улыбнулся ободряюще и печально священник.

У церкви беспокойно ходил отец, заложив руки за спину. Серафим и не заметил, когда он ушёл на улицу. Увидев друг друга, они не нашлись, что сказать и, взявшись за руки, молча пошагали сквозь морозную звёздность домой.

Но почти перед самой калиткой, ведущей во двор, Серафим не выдержал:

– Папа, скажи, как она погибла? – Опуская глаза, заполняющиеся слезами, почти беззвучно сказал Серафим, который вдруг опять потерял то самообладание, с которым недавно держался перед священником.

– Авария была почти около нашего дома. Фура врезалась в мамин автомобиль сзади. Его вынесло на проезжую часть. Мгновенная смерть.

– Но мама... но она ведь такая «целая»...

– Да, – согласился отец. – Она не должна была погибнуть. Водительское место гарантировало жизнь даже при таких двух сильных ударах.

– Так почему же она погибла?

– Я не знаю, сынок. – Отец наклонил голову и сильно закашлялся. – Она последнее время жаловалась на то, что сильно устаёт. Вот, видимо, Бог её и услышал...

Серафим отвернулся. В голове зазвучали слова священника: «Значит, так правильно, значит, так правильно, значит, так правильно...», как будто пластинка заела на одном месте и постоянно выдавала одну и ту же трель. Но сквозь эту заевшую трель он продолжал слышать, как отец рассказывал некоторые подробности.

– ...Она отвезла вас с Машей в школу и возвращалась домой. Купила вам апельсинов и печенья, любила вас так обоих...

Вдруг Серафим резко освободил руку, обернулся на освещённого уличным фонарём отца и, срывая голос до хрипоты и камушек в горле, прокричал:

– Ну так почему вы сразу не сказали мне с Машей о том, что мама погибла; почему я об этом узнал последний; почему не отвезли нас к ней сразу?

Отец обошёл тяжело дышащего Серафима, плечом открыл примороженную калитку и, не оборачиваясь, глухо ответил:

– Прости, мы решили, что так будет лучше для вас обоих. Хотя мне казалось, что ты и сам уже обо всём догадался...

Спустя мгновение Серафим примирительно снова взял отца за руку и пожал её.

Калитка звонко металлически стукнула. Где-то за забором щёлкнул выключатель. Фонарь зашипел и погас.

Дома было людно – одни готовили еду на завтрашние похороны, а кто-то только приехал и ещё не успел разместиться. Серафима, зашедшего на порог, словно обдало этим контрастом: дом, по сравнению с церковью – безлюдной, но полностью заполненной искажёнными вибрирующими таинственными звуками, показался мальчику неживым и пустым, несмотря на то, что был заполнен людьми. Серафим окинул родственников и друзей, собравшихся на кухне и в зале, взглядом из-под бровей. Все, как только он появился в доме, перестали разговаривать, а некоторые стали разглядывать его таким грустным жалеющим взглядом, что у Серафима выступил холодный пот на спине. Он не узнавал родного дома: те же зажжённые люстры, тот же обеденный стол, такие же картины, только вот чего-то не было. Чего-то не хватало.

Бросив у входа портфель, он вдруг заметил мамины тапочки около лестницы, ведущей на второй этаж, и перед глазами всё вновь поплыло. Он поднял взгляд и увидел, что совершенно один, в каком-то чужом месте, заполненном людьми, зовущими его по имени и что-то пытающимися ему дать или наоборот забрать. Серафим так сильно испугался картины, развернувшейся перед ним, что начал задыхаться, как будто тонул. И, ни на кого не обращая внимания, сквозь расплывающуюся и густеющую пелену, состоящую из звуков, света, чьих-то мелькающих по сторонам знакомых и незнакомых лиц и рук, он интуитивно начал прорываться к себе в комнату – теперь единственное безопасное и знакомое место на всей планете.

Забежав в комнату, Серафим сразу же закрыл дверь и, выдохнув, прижался к ней спиной.

Он хотел было включить свет, но из-за охватившего его страха, что и комната окажется незнакомой, в полной темноте, по пути рывками сорвав с себя одежду, прыгнул в кровать, свернулся под одеялом и зарылся в подушку с головой.

Через некоторое время дверь скрипнула.

– Серафим, ты спишь? Здравствуй, – он узнал голос крестной, которая тоже приехала сегодня днём. – К тебе можно?

– Да. – Промычал в подушку Серафим.

Крестная подошла к кровати и села на её краешек. Она осторожно дотронулась до мальчика и погладила по спине и голове. Женщина не знала, как ей правильно себя вести, но её материнское чутьё не подвело – Серафим, тяжело вздрагивая телом и успокаиваясь, вздохнул и, повернув голову немного набок, спросил:

– Но ведь такого же не может случиться? Это только в снах и в книгах происходит.

– Нет, Симочка, в жизни такое происходит гораздо чаще, именно поэтому пишутся книги и снимаются фильмы, чтобы люди узнавали, как такое может случиться.

«Когда я вырасту, я обязательно напишу про это книгу», – Подумал Серафим и опять тяжело вздохнул.

– Знаешь, крестная, мы сегодня были в театре и там, на сцене, актёр плакал, и у него это так естественно получалось, что некоторые мои одноклассницы тоже заплакали. А я знал, что он врёт, поэтому и не плакал, хотя хотелось, очень уж грустная история была, ну и мальчик я, а нам, вроде, не полагается. – На этом месте он горестно усмехнулся по-взрослому и сразу же по-детски всхлипнул вслед. Вздохнул опять и продолжил на одном дыхании:

– А сегодня, когда я увидел папины слёзы, самые что ни есть настоящие, таких я никогда ещё не видел раньше, мне плакать очень захотелось, но не плакалось совсем, только сделалось страшно-страшно, потому что, наверное, раз такое в жизни случается – совершенно нечаянно и случайно: живёшь себе, живёшь, никого не трогаешь, а потом бац и тебя случайный человек берёт и так же нечаянно, а может, и не нечаянно, может, он в шутку, берёт, может, он специально берёт и – убивает. Как жить тогда? Как жить, если любой встречный может убить? Если каждый день ты можешь умереть?

Серафим задохнулся от быстрой сбивчивой и местами нелогичной речи и замолчал, ожидая ответа первой женщины,

с которой он общался после того, как убедился в том, что такое «нелогичное» действительно случается.

Крёстная молчала. Она думала, как лучше ответить мальчику, который впервые, может быть, задумался о смерти и который сразу же по старой русской традиции пустился анализировать произошедшее.

– Жить дальше, Сима. – Наконец ответила она ему. – Жить дальше и верить в лучшее, и предостерегаться от таких случайностей максимально. Предостерегать и себя и близких и постоянно помнить об этом, и напоминать всем, тогда ничего, может, и не произойдёт. Но всё в мире неслучайно, запомни и это, Симочка, всё взаимосвязано и без прошлого – нет будущего. Только вот жить в прошлом нельзя. Жить нужно сегодня, думая о завтра, помня вчера.

– А у тебя это получается?

– Что именно? – Удивилась крёстная.

– Жить сегодня, думать о завтра и помнить вчера?

– Плохо, – призналась крёстная, – но у тех, кто живёт по такому закону, всё обязательно получится, поверь мне.

– Но от кирпича с крыши никто всё равно не обережён.

– Если ты жить будешь в лесу и никогда больше не будешь рядом с местами, где есть крыши с кирпичами, то ты можешь быть спокоен, – тихонько рассмеялась крёстная и продолжила. – Видишь, какой ты умный, сам на всё ответы находишь. Ты уже совсем взрослый, папе сейчас твоя помощь очень будет нужна... А жить нужно просто даже ради того, что мама твоя всю себя в тебя, сестёр твоих и папу вкладывала. И младшую сестрёнку – Машеньку не обижай. Она ведь даже и не поняла, что произошло. Крепись, Сим.

– Лааадно... – протянул засыпающий Серафим и подумал: «Завтра будет ещё один день, в котором нужно жить по этим дурацким законам и случайным правилам». – Спокойной ночи, крёстная, спасибо тебе, можешь ещё посидеть рядом, ты мне совсем не мешаешь.

– Спокойной ночи, Симочка, – Ласково, как только умеют матери, сказала женщина и грустно улыбнулась в темноте, украдкой утерев слезу, собрала и аккуратно сложила вещи мальчика в кресло при свете беззастенчиво пялившейся в окно луны.

Серафим держал одной рукой отца, а другой аккуратно, чтобы никто не заметил, вытащил письмо из кармана куртки и переложил в карман брюк. «Не забыть бы!», – подумал Серафим

и снова осторожно взглянул на папу. «Как-то он постарел, будто за это время», – подумал Серафим и испугался, а вдруг и папы тоже вот так не станет.

– Пап, папа, – Высокий мужчина с серебристой бородой, словно отрывался от какого-то важного диалога и не сразу понял, откуда идёт зов. Увидев, что это его окликает сын, блестя глазами полными недоумения и вопроса, наклонился. А Серафим, пристав на цыпочки, прошептал на ухо, – Пап, только ты не умирай... Ладно? – прошептав это, Серафим отклонился, чтобы взглянуть в папины глаза.

А у мужчины вдруг что-то стрельнуло в спине, закололо под сердцем и так завыло пронзительно в старом рубце на левой ноге, так завыло, что только выдержка заставила его разогнуться, выпрямиться и, взглянув в ждущие ответа глаза Серафима, ободрительно улыбнуться и сказать: «Ты чего это выдумал? Мы с тобой ещё таких дел наворотим вместе!».

Приобняв за плечо, про себя подумал: «Да, расслабляться нельзя, только постоянным графиком и работой можно вместе преодолеть эту беду. Никаких отдыхов и отпусков, они только во вред пойдут!», – и, сделав про себя такой вывод, мужчина незаметно расправил опущенные плечи и крепче обнял сына.

А Серафим, словно успокоенный ответом, прижался к отцу и задумался о чём-то своём, разглядывая людей, стоящих вокруг.

Гроб с лёгким, вкрадчивым стуком опустился на промороженное за ночь дно могилы, и только сейчас, с этим лёгким стуком Серафим вдруг вспомнил, что забыл положить маме письмо в изголовье, чтобы она прочитала его и унесла с собой в последний путь.

От этой мысли у Серафима вдруг заболела голова.

«Как я мог забыть!?!», – закричал внутри себя Серафим.

А когда люди вокруг начали бросать в могилу горстки замороженной земли, стучавшей по крышке, с таким знакомым и уютным звуком крупного дождя в грозовую летнюю ночь, у Серафима зазвенело в ушах.

И только сейчас он неожиданно остро ощутил безвозвратность того – самого дорогого, что исчезало в земле. Он хотел было броситься к могильщикам и просить достать гроб обратно, чтобы он мог положить к маме своё письмо, но не смог, потому что, как будто со стороны увидел, как это будет нелепо и глупо выглядеть, а ещё подумал, что никто, конечно же, ему не разре-

шит. Подумав, Серафим всё же решил поступить так, как ему казалось правильнее и честнее, но какой-то голос внутри него спокойно и чётко сказал: «Стой!».

Крепко сжав зубы, Серафим скрипнул ими так болезненно, что в глазах потемнело. И вдруг, сквозь эту боль, дробь, звон и темноту прозвучал вчерашний голос священника: «Всё, что ни свершается, всё к лучшему!».

И сразу же отчётливо вспомнился ночной разговор, папины глаза, профиль крестной в темноте.

Вспомнил. Выдохнул. Открыл, оказывается, зажмуренные глаза. С усилием выпрямил сведённые в кулаки пальцы рук, поднял взгляд на голубое-голубое без единого облачка небо – и пропали сразу все эти шумы и боли.

Серафим понял, что мама всё и так видит, и нет надобности класть письмо в гроб.

Понял, но не простил себя.

Понял и тихо прошептал, глядя в прозрачную глубину морозного январского неба: «Мама, я больше никогда ничего не забуду!».

Серафим проснулся из-за того, что с крыши упал подтаявший на солнце снег.

Морозы минули.

Подушка была сырая от слёз...